

0- 770519

На правах рукописи

Волгина Ольга Вячеславовна

**Служебные слова
в нижегородских говорах**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Киров – 2008

Работа выполнена на кафедре теории и истории русского языка ГОУ ВПО «Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, профессор
КЛИМКОВА Людмила Алексеевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
КОЛЕСНИКОВА Ольга Ивановна
ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»

кандидат филологических наук, профессор
ГАНЦОВСКАЯ Нина Семеновна
ГОУ ВПО «Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова»

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»

Защита диссертации состоится 25 июня 2008 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.041.04 при ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: 610002, Киров, ул. Красноармейская, д. 26, ауд. 104.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет».

Автореферат разослан « 30 » июня 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических
наук, доцент

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000434427

ОЛ —

К. С. Лицарева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современной языковой ситуации, когда под влиянием различных факторов происходит нарушение целостности системы территориальных диалектов, из них постепенно уходят специфические диалектные средства, важность русских народных говоров как объекта изучения не только не уменьшается, но, напротив, их фиксация и описание приобретают всё большее значение [см.: Касаткин Л. Л. Русские диалекты и языковая политика // Русская речь. – 1993. – № 2. – С. 90].

Диалекты являются средоточием информации о ментальности, системе ценностей русского народа, его историческом опыте. Будучи более древними по происхождению, чем литературный язык, они передают последующим поколениям духовный опыт народа. И не последнюю роль в выражении русской ментальности играют так называемые «мелкие слова» – предлоги, союзы и частицы, которые в говорах часто содержат ядро эмоционально-экспрессивной оценки высказывания. Заложены в этих словах внутренними установками, понятными только носителям русского языка, объясняется непереводимость «мелких слов» на другие языки.

Изучению функционирования служебных слов в литературном языке уделяется в настоящее время много внимания в связи с тем, что предлоги, союзы и частицы, значение которых сложно описать в терминах традиционных подходов, оказались именно тем материалом, который позволил раскрыть возможности новых лингвистических теорий второй половины XX в., в первую очередь, в области семантики [см. Кобозева И. М. Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х гг. // Прагматика и семантика. – М., 1991. – С. 147].

Служебные слова, понятийная и референтная соотнесённость которых вызывает разногласия среди исследователей, несут в себе максимум прагматических установок, пресуппозитивной информации, в них заложены разнообразные сведения об особенностях восприятия мира носителями языка. Поэтому в последнее время в связи с развитием когнитивной лингвистики и лингвопрагматики возрастает актуальность изучения служебных слов. В этой ситуации представляется важным проследить специфику функционирования служебных слов в говорах, выявить диалектные особенности их семантики и прагматический потенциал, а также то, в какой мере они отражают особенности представления диалектоносителя о мире. Подобные исследования проводились, как правило, на материале отдельных единиц или групп служебных слов, но на сегодняшний день нет работ, описывающих систему служебных слов определённого региона (за исключением отдельных исследований севернорусских говоров). Система служебных слов нижегородских говоров в настоящее время нуждается в таком исследовании, которое должно учитывать особенности формы, значения, функционирования этих единиц, а также предоставляемые современной лингвистикой возможности описания, наиболее адекватного специфике служебных частей речи. Это и определило актуаль-

ность данного описания. Оно актуально также в связи с работой над словарём нижегородских говоров и составлением «Лексического атласа русских народных говоров», для дополнения и уточнения материалов изданных и готовящихся к изданию выпусков «Словаря русских народных говоров».

Объектом исследования являются служебные слова, бытующие в нижегородских говорах: предлоги, союзы, частицы. **Предмет** анализа составляет их семантика, структура, особенности функционирования.

В основу работы положена следующая гипотеза: служебные слова, функционирующие в нижегородских говорах, обладают спецификой по сравнению с системой служебных слов литературного языка; эта специфика связана с условиями бытования диалектов и отражает ряд особенностей языковой картины мира диалектоносителей.

Цель работы состоит в изучении современного состояния системы служебных слов в говорах Нижегородской области. Для достижения обозначенной цели следует решить конкретные задачи исследования:

1) выявить состав единиц, входящих в систему служебных слов нижегородских говоров, — частиц, предлогов и союзов;

2) для каждой из названных частей речи определить специфику исследуемых единиц с точки зрения формы, семантики, прагматики, функционирования в речи;

3) раскрыть особенности диалектных служебных слов как одного из звеньев механизма соотношения высказывания и знаний говорящих о мире, а также определить, в какой мере слова служебных частей речи участвуют в отражении языком этнического видения действительности в целом и картины мира диалектоносителя в частности;

4) описать особенности употребления служебных слов в нижегородских говорах в сопоставлении с литературным языком, а также показать различия в плане формы, семантики, функционирования частиц, предлогов, союзов внутри системы служебных слов в самих диалектах.

В качестве **материала исследования** использованы данные картотеки нарицательной лексики, хранящейся на кафедре теории и истории русского языка АГПИ им. А. П. Гайдара (г. Арзамас), картотеки «Диалектного словаря Нижегородской области» (ДСНО) в ННГУ им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород). Кроме того, источниками исследования послужили полевые записи преподавателей кафедры русского языка, студентов филологического факультета АГПИ, работавших во время диалектологической практики по специально составленным вопросам, корректировавшимися и уточнявшимся в соответствии с задачами описания. Были также использованы тексты, записанные во время полевой работы по программе ЛАРНГ «Традиционная народная духовная культура», в том числе лично автором. Общий объем собранного материала составил 390 единиц: 168 частиц, 128 предлогов и 94 союза. В их число входят слова, не свойственные литературному языку или обладающие по сравнению с литературным языком диалектными отличиями в плане формы, семантики, функционирования. В качестве спра-

вочного и сопоставительного материала привлекались данные словарей русского языка, в том числе диалектных.

При отборе материала и его анализе были использованы различные научно-исследовательские методы как совокупность приемов и правил изучения служебных слов. Преимущественное применение в работе получил общий описательный метод синхронного анализа языковых явлений, нашедший свое отражение в системе частных методов и исследовательских приемов. Так, использовались приемы внешней интерпретации, а именно: элементы социологического метода лингвистической географии, прием количественных подсчетов и сопоставлений; внутренней интерпретации: классификация и систематизация, компонентный анализ, дистрибутивная методика. Применялся также сравнительно-сопоставительный метод.

В процессе сбора материала использовались методы непосредственной беседы с диалектоносителями по специальным вопросам, наблюдения за их речью во время диалектологической практики, методы первичной обработки, систематизации исследуемого материала, методы сплошной выборки (из словарей, картотек, текстов) и классификации материала.

Научная новизна работы определяется прежде всего тем, что служебные слова, функционирующие в говорах Нижегородской области, ещё не были предметом системного описания. Вообще служебные части речи, соприкасающиеся с разными уровнями языка – лексикой, морфологией, синтаксисом, оказываются часто вне сферы внимания диалектологов.

Служебные слова в русском литературном языке изучены достаточно хорошо, так как традиция их выделения и исследования начинается еще с М. В. Ломоносова. Служебные же слова, функционирующие в говорах, в диалектологической литературе почти не освещаются. С одной стороны, наиболее изученным аспектом говоров является лексика. В частности, она широко исследуется в связи с составлением «Лексического атласа русских народных говоров». Изучению служебных слов уделялось меньше внимания, так как в атласах они не отражены или отражены минимально. С другой стороны, в исследованиях по морфологии говоров первое место всегда справедливо отводилось знаменательным частям речи, поэтому служебные части речи оставались вне рассмотрения.

Кроме того, многие проблемы, связанные с изучением служебных слов, не имеют однозначного решения в лингвистике. В частности, это относится к проблеме описания семантики служебных слов, адекватного специфике этих частей речи. Поэтому выполненный анализ предлогов, союзов и частиц, бытующих в нижегородских говорах, не во всём сходен с анализом общенародных и диалектных служебных слов в работах других исследователей. Это касается в том числе и многозначности некоторых предлогов, определения значения ряда единиц, толкования инвариантного значения и других вопросов.

Теоретическая значимость исследования обусловлена, во-первых, местом территориальных диалектов в системе национального языка, а во-вторых, ролью служебных частей речи в системе говоров.

Выявление состава служебных слов в нижегородских говорах и введение их в научный оборот, описание особенностей их семантики, функционирования, сопоставление с предлогами, союзами и частицами литературного языка является вкладом в исследование системы диалектного языка на территории области. Выводы, полученные в результате анализа роли предлогов в концептуализации пространственных и других отношений, прагматического потенциала союзов и частиц, также значимы для теории служебных слов в языке вообще и в говорах в частности.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования собранного материала и данных его анализа для составления региональных словарей, а также в работе над «Лексическим атласом русских народных говоров». Кроме того, материалы работы, касающиеся лексического значения служебных частей речи и их полисемии, методов описания, проблемы линейного тождества слова, выявления так называемой «семантики скрытой строки», могут быть применены в курсах лекций по русской диалектологии, современному русскому литературному языку (раздел «Морфология»), при проведении практических занятий, спецсеминаров, чтении спецкурсов в вузе, а также в школьных спецкурсах, кружках и факультативах.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Служебные слова, функционирующие в нижегородских говорах, проявляют диалектную специфику в разных аспектах: в плане формы, семантики, прагматики. Особенности диалектных служебных слов составляют формальная вариативность, синонимия и параллелизм, активное объединение их в комплексы, наличие специфически диалектных единиц, а также семантических и прагматических компонентов у единиц, не характерных для литературного языка.

2. Из всех служебных слов частицы в наибольшей мере проявляют диалектную специфику. В говорах Нижегородской области частицы вообще отличаются активностью употребления, и в том числе постпозитивная частица -то (и её разновидности). Активность частиц-коррелятивов связана с распространённостью в говорах союзно-коррелятивного подчинения. Особенно разнообразны в отношении формы и семантики модальные частицы, что связано с их способностью выражать установки говорящего; указательные частицы, причём в сфере временного дейксиса есть единицы, служащие для указания как на прошедшее, так и на будущее время; а также частицы-маркеры чужой речи.

3. В системе предлогов в говорах наиболее представленными в количественном отношении и наиболее богатыми в семантическом и формальном плане являются пространственные предлоги, так как пространственные отношения занимают важное место в представлении человека о мире, причём особенно важными для языковой концептуализации мира являются пространственная близость, промежуточное положение, препозиция / постпозиция, верх / низ, расположение по кругу. Представление о других видах от-

ношений (временных, причинных, сравнения и меры) часто опирается на пространственную семантику, что позволяет говорить о пространственном прототипе. Особенно тесной является связь восприятия пространства и времени. К числу диалектных особенностей, характерных для предлогов, относится также активность двойных предлогов и повтор предлогов перед определениями и однородными членами предложения.

4. Особенности союзов в нижегородских говорах связаны с тем, что говоры, в отличие от литературного языка, не требуют чёткой дифференциации отношений между частями высказывания, наиболее распространённый способ их соединения – соположение. Поэтому в говорах активны союзы, выражающие самые общие, недифференцированные значения; большинство союзов многозначны. Возникающее при этом снижение информативности высказывания компенсируется наличием у диалектоносителей определённого общего объёма знаний.

5. Диалектные особенности предлогов, союзов и частиц, функционирующих в говорах Нижегородской области, связаны с устной формой бытования диалекта, ограниченностью коллектива его носителей и отражают особенности языковой концептуализации мировосприятия сельских жителей.

Апробация работы. По теме исследования были сделаны доклады и сообщения на международных, всероссийских и региональных научных конференциях в г. Арзамасе: «Духовный мир молодого человека и будущее России» (АГПИ, 2003), «Русские народные говоры: История и современность» (АГПИ, 2005), «Региональная лексика в историко-культурологическом аспекте» (АГПИ, 2006); в г. Нижнем Новгороде: «Проблемы языковой картины мира на современном этапе» (НГПУ, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007), «Владимир Даль и современная филология» (НГЛУ, 2001), «Русский язык: история и современность» (ННГУ, 2004), «IX нижегородская сессия молодых ученых» (ННГУ, 2005). Кроме того, материалы исследования обсуждались на кафедре теории и истории русского языка АГПИ. По теме работы опубликовано 15 статей и тезисов общим объемом 3,36 п.л.

Структура работы обусловлена составом служебных слов русского языка и логикой их описания. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и приложений, включающих описание служебных слов, не вошедших в основной текст диссертации, словарь служебных слов в нижегородских говорах, список сокращенных названий районов и вопросник, разработанный для сбора диалектного материала.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, её актуальность, определяется объект и предмет исследования, его цели и задачи, гипотеза исследования, положения, выносимые на защиту, указывается материал, послуживший основой работы, раскрывается новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, структура работы и её апробация.

Глава I «Общий обзор теории служебных слов русского языка». До сравнительно недавнего времени вопрос о служебных частях речи в русистике оставался малоизученным, несмотря на то, что отдельные упоминания о них и характеристики есть ещё в работах М. В. Ломоносова, Н. И. Греча, А. А. Барсова, А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова. К 60-м гг. XX в. благодаря работам А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой, и других исследователей складывается круг частей речи, традиционно относимых к служебным (предлог, союз, частица) на основании их неизменяемости, синтаксической функции, специфики значения.

К 80-м гг. XX в. был решен и спорный до того времени вопрос о наличии у служебных слов собственного лексического значения: большинство учёных признают, что служебные слова обладают лексическим значением особого типа, специфику которого составляет связь не с фактами действительности, а с отношениями между ними, соотносённость с понятиями особого типа. За служебными частями речи признают также и наличие номинативной функции как способности соотноситься с элементами внеязыковой. В середине XX в. учёные также исследуют проблемы морфемного состава служебных слов и их линейного тождества. Начиная с 80-х гг. XX в. служебные слова перемещаются из периферии к центру исследовательских интересов в связи с приходом когнитивной лингвистики, обращённой к семантической стороне слова и выражаемым им прагматическим смыслом. Дальнейшее исследование семантики служебных слов потребовало ограничения круга исследовательских интересов одной частью речи, причём в первую очередь в сфере внимания русистики оказались частицы. К их изучению обращаются Ю. Д. Апресян, А. Н. Баранов, И. М. Богуславский, Е. Г. Борисова, Т. В. Булыгина, И. М. Кобозева, Г. Е. Крейдлин, Т. М. Николаева, Е. В. Падучева, В. А. Плунгян, Е. А. Стародумова и другие.

Для работ этого времени характерен интерес к участию частиц в создании коммуникативной семантики высказывания, связи с теорией текста, к использованию терминологии и методов лингвистической прагматики. Вопрос о критериях выделения частиц как части речи также не имеет однозначного решения, и большинство лингвистов руководствуется традиционным подходом, то есть ориентацией на функцию передачи коммуникативных характеристик сообщаемого и выражение субъективной модальности, включая в круг частиц лексемы с дейктическим и отрицательным значением. В настоящее время существуют две основные точки зрения на структуру значения частиц. Одни исследователи (например, сторонники школы Кюльоли) считают, что частицы имеют одно значение и варианты его реализации определяются как контекстные модификации. Большинство других исследователей признают многозначность частиц. Они ориентируются на поиск инварианта значения частицы. Для ряда лексем, прежде всего для частиц с абстрактным значением, этот подход оказывается успешным [ср.: Борисова Е. Г. Семантический анализ усилительных частиц русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ, 1982. – 23 с.]

Однако по отношению к некоторым единицам выявить инвариант не всегда возможно, так как полученный результат оказывается слишком абстрактным. Поэтому представляется более объективным идти за фактами языка, находя связи между контекстными употреблениями лексемы и используя методику анализа, которая позволила бы максимально точно эксплицировать логику этих связей. Так, некоторые учёные в исследовании семантики частиц пользуются понятиями теории пресуппозиций [ср.: Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). – М.: Наука, 1985. – 169 с.], что отражает статус частиц как ведущего звена в передаче прагматических смыслов. Важной в современных исследованиях, таким образом, является интеграция новых путей описания и выдвинутых ранее концепций.

Предлоги всегда вызывали интерес как отечественных, так и зарубежных исследователей, и интерес этот усилился в 80–90-е годы XX в. в связи с расцветом когнитивной лингвистики. В центре внимания оказываются: разработка понятийного аппарата для описания предлогов, вопрос о их полисемии и отношениях между значениями в структуре многозначного предлога, о взаимосвязи значений и контекстов употребления отдельных единиц, а также другие. Наибольший интерес исследователей вызывают пространственные предлоги как отражающие особенности языковой концептуализации пространства. Авторы пытаются моделировать представление пространственных отношений в сознании, используя понятия фигуры, фона, референциального объекта, определяя те их свойства, которые являются релевантными для описания значения того или иного предлога.

Современные исследования также показали, что при описании многообразия значений предлога не всегда следует исходить из первичности пространственной семантики, так как не все употребления укладываются в топологическую схему. Большое значение этих работ состоит в том, что они показали семантическую нагруженность всех предлогов, в том числе и при сильном управлении.

Исследование союзов в русистике традиционно проводилось в связи с изучением синтаксического строя языка. Поэтому проблема описания семантики союзов до конца XX в. оставалась малоисследованной. Проблемой поиска инварианта значения первообразных союзов занимались Е. В. Падучева, Г. Е. Крейдлин, В. З. Санников и другие ученые. Именно отвлечённость семантики этих единиц, конкретизирующаяся в контексте, дала толчок к изучению их прагматических смыслов. Семантику союзов исследователи описывают, опираясь на понятие нормы, обращаясь к теории пресуппозиций.

Служебным словам в русских народных говорах лингвисты уделяли значительно меньше внимания, чем в литературном языке. На протяжении всей истории русской диалектологии интерес исследователей вызывали такие диалектные явления в сфере служебных слов, которые составляют яркую особенность говоров по сравнению с литературным языком: постпозитивная частица **-то**, частица-коррелят **дак**, отрицательные частицы, двойные пред-

логи. Среди частиц в говорах наибольший интерес исследователей вызывали **-то** и **дак**. Точку зрения на **-то** как на постпозитивную частицу обосновал В. И. Кодухов, другие исследователи пытались определить ареалы употребления нейтрального, а также «гармонизирующих» и «согласуемых» вариантов частицы. В 60–80 гг. XX в. в связи с интересом к локальным диалектологическим исследованиям появилось много работ, посвящённых служебным словам отдельно взятого говора или даже одному явлению в сфере служебных слов. К этому периоду относится большое количество работ об употреблении в говорах предлогов [см. работы Скитовой Ф. Л. и др.]. В сфере предлогов отмечалось употребление единиц, не свойственных литературному языку, сочетание с разными падежными формами имени, образование конструкций разной семантики, функционирование двойных предлогов. В сфере союзов исследователи отмечали, главным образом, формальные диалектные различия, выражение несвойственных литературному языку значений и образование специфически диалектных структур [ср.: Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 317 с.].

В 90-е гг. XX в. возникает интерес к исследованиям компаративного характера: о функционировании служебных слов в говорах в сравнении с литературной разговорной речью на уровне текста. Кроме того, учёные приходят к выводам о необходимости изучать не только наиболее яркие диалектные отличия, но и менее заметные черты, которые вместе составляют систему говора.

С повышением внимания к служебным словам в литературном языке возрастает интерес к предлогам, союзам и частицам в разговорной и диалектной речи, к отражению диалектными служебными словами особенностей мировосприятия диалектоносителя. В целом для исследований служебных слов, как в литературном языке, так и в говорах, характерно объединение традиционного подхода с достижениями современной когнитивной лингвистики и лингвопрагматики.

В главе II работы «Частицы в нижегородских говорах» описываются диалектные особенности частиц, функционирующих на территории области. Частицы в силу большей количественной представленности по сравнению с предлогами и союзами, многозначности, активности обладают и более яркой диалектной спецификой. Она связана со свойствами частиц как части речи передавать прагматическое содержание высказывания, быть показателем его иллюкутивной функции и текстовой связи, участвовать в организации логической и коммуникативной структуры высказывания.

Так, модальные частицы в нижегородских говорах разнообразны как в отношении формы, так и в отношении выражаемых ими смыслов. Некоторые единицы (**дивуй**, **ли-ка**, **намо**, **кесь**, **ин** и др.) передают отношения, которые частицам литературного языка передавать не свойственно (например, частица **дивуй** характеризует тот или иной факт как заведомо недостоверный, с точки зрения говорящего, и на имплицитном уровне содержит неодобри-

тельную оценку поведения собеседника или какого-то третьего лица). Особенностью функционирования частиц в диалектной речи является активность их объединения, в комплексы (**намо чай, ровно как, чай поди, что ль то, чай-ги, поди-ка** и др.), что позволяет в минимально коротком речевом отрезке заключить прагматическое содержание, которое в иных условиях потребовало бы развёрнутого высказывания.

Ряд частиц отличается высокой активностью на всей территории области, например, частица **чай** ([ч'аи], [чаи], [ч'ии], [чьи] и [цаи]), **шай, шай** ([шай] и [ш'ай]), **чать**. В утвердительных предложениях эти частицы употребляются тогда, когда говорящий, исходя из предположения о наличии у собеседника некоторой информации о сообщаемом, актуализирует её в его сознании: [*к-на́м-ыт' то́жэ л'у́д'и пр'ихо́д'ут' / ч'аи и мы стол зб'ира́им дь-уаи́'аим*] (с. Елфимово Лук.). Аппроксимативное **чай** выражает приближительность, являющуюся предположением на основании известных собеседнику, по мнению говорящего, фактов: [*и вот ја тр'и / ч'е́тыр'ь ч'аи го́дь пр'яро́бта́ль нь-торфу́*] (с. Б. Печерки Шатк.). В контексте побудительного предложения **чай** служит для снятия категоричности просьбы, представляя её как ожидаемую: [*л'ус' / дац ч'аи тр'ено́г'и-т'и*] (с. Дубенское Вад.).

Параллельно в разных микросистемах области употребляются частицы **знамо** и **намо**, выражающие соответствие ситуаций представлениям говорящего о норме: [*на́мь мы н'ь-так'и учо́ны / как вы*] (с. Малое Окулово Нав.). Причину своей уверенности говорящий подаёт как очевидную, тем самым как бы «навязывая» такое представление о положении дел собеседнику. Кроме того, **намо** употребляется в контекстах возражения: [*на́мь н'е-зна́л'и / фс'о мы зна́ли*] (д. Успенское I-е Арз.), частица выражает уверенность, что описываемая ситуация не может иметь места. Как и «**намо** согласия», «**намо** возражения» подаёт позицию говорящего как не подлежащий сомнению факт. Наконец, **намо** может функционировать в качестве отдельной реплики-ответа, утвердительного или отрицательного, при этом дифференциация значения согласия (несогласия) осуществляется только с помощью нелексических средств языка.

Чрезвычайно активна на территории Нижегородской области постпозитивная частица **-то**, присоединяющаяся к словам практически любой части речи и функционирующая в вариантах **-то, -ти, -те, -от, -ту, -та**. Употребление этих вариантов непоследовательно, хотя условно можно выделить несколько моделей функционирования разновидностей постпозитивных частиц: 1) со всеми формами имени и других частей речи бытует **-то**, случаи использования других вариантов единичны; 2) количественно доминирует **-то** со всеми формами имени и другими частями речи; **-от, -те, -ти, -ту** употребляются значительно реже и обычно согласуемы с формами имен; 3) особенно распространены **-то** и **-ти**; реже – **-от** и **-те**, главным образом, согласуясь в роде и числе с существительным; 4) функционируют все разно-

видности постпозитивных частиц с одинаковой регулярностью или с незначительным преобладанием частицы **-ти**; 5) преобладают в количественном отношении **-то** и **-от**, другие частицы отмечаются редко, преимущественно как согласующиеся с формами имени.

Частица **-то** (**-ти**, **-от**, **-ту**, **-те**) характеризует информацию как такую, которая входит в общий фонд знаний говорящего и адресата, но к моменту речи находится вне сферы их внимания. Это основное значение может реализоваться в ряде модификаций, как-то: показатель темы высказывания, усилительное значение, показатель связи при бессоюзно-коррелятивном подчинении, значение актуализации и другие. Собственно диалектными являются аппроксимативное и указательное значение частицы **-то**, а также употребление её при передаче чужой речи. Активность в говорах частицы **-то** и её разновидностей, разнообразие выражаемых ею смыслов связаны со способностью этой частицы маркировать «семантику скрытой строки», понимание которой основано на общности знаний собеседников, что особенно важно для коммуникации в диалектной среде.

Диалектная частица **мотри** и её разновидности **мотрёй**, **мотряй**, **мутри**, **смотрим** отличаются от соответствующей им частицы литературного языка **смотри** не только формально, но и большей активностью, разнообразием условий употребления. Частицы эти функционируют главным образом в контекстах превентива, диалектную особенность при этом составляет употребление в побудительных предложениях без отрицания, где говорящий выражает настоятельную необходимость того, чтобы собеседник осуществил то или иное действие: [*ол' онк / цац дац ја схожу к-об' ёдн'и // мотр' ёц тода пр'инес'*] (с. Кошелиха Перв). Кроме того, в говорах для **мотри** (и её разновидностей) характерно употребление, при котором частица маркирует факт как выделяющийся тем или иным образом из обычного порядка вещей: [*эт-ш'ас два дн'и / а ран'ш'ть-ть народу-ть мотр'и былъ полно'*] (с. Лопатино Вад.).

К другим модальным частицам, обладающим в нижегородских говорах диалектной спецификой, относятся **вроде** и **ровно**, употребляющиеся в разных значениях отдельно и в составе комплексов; диалектная частица **дивуй**, частицы **или** (**иль**), **али** (**аль**, **ай**), **ли**, в том числе и в несвойственных этим частицам в литературном языке и в просторечии значениях; частицы **глядь**, **ли-ка**, **хвать**, выражающие несоответствие ожидаемому; частицы **подь**, **поди**, **поди-ка**, **ишь** и **вишь**, постпозитивные **-ка**, **-тка**, **-кось**, **-коси**, **-кесь** и другие.

Так как в условиях устного диалектного общения важную роль играет отсылка к известному, то в говорах многочисленной и разнообразной является группа дейктических частиц. В качестве частиц пространственного дейксиса функционируют **вон**, **он**, **вона**, **вот**, **вота**, **во**, **от**, **отъ**, **вота**, **воты**, **увот**, **вон-он**, **вонаде**, **она**, **оной**, **вонде**, **воде**, **вондека**, **воной**, **вонотка**, **воночки**. Частицы темпорального дейксиса отличаются как формальным

разнообразием вариантов (ср. *бывало, бывало, бывалошко, бывалоча, бывалось бывалошно*), так и семантическими диалектными особенностями, например, частица *буде* может относить события к плану ближайшего, обозримого будущего.

Среди метатекстовых частиц в нижегородских говорах наиболее яркую диалектную специфику проявляют частицы-маркеры чужой речи. В этом значении функционируют *мол, бай, бат, бать, де, дескать, вроде и слышь*. Все они могут указывать на смену плана речи, как субъективно-личного, так и временного. Разнообразие и употребительность таких частиц в говорах связаны с их ролью в передаче диалога в условиях устного общения в диалектной среде, где отсутствуют более сложные средства передачи косвенной речи.

Рядом диалектных особенностей обладают и функционирующие в нижегородских говорах выделительные, отрицательные частицы и частицы-корреляты. Таким образом, частицы, функционирующие в говорах Нижегородской области, характеризуются наиболее значительной диалектной спецификой, выражающейся в особенностях внешней, звуковой формы, передаваемых значений, прагматических установок, в наличии несвойственных литературному языку единиц, более высокой активности употребления отдельных частиц в диалектной речи.

Глава III диссертации «Предлоги в нижегородских говорах» посвящена особенностям функционирования в диалектной речи предлогов. В предложной системе говоров наиболее широко представленной является группа пространственных предлогов, в которую наряду с общеупотребительными входят многочисленные диалектные единицы, а также такие, которые свойственны и литературному языку, но отличаются в отношении семантики. При этом единицы, обладающие той или иной диалектной спецификой, шире представлены среди локативных предлогов, чем директивных. Большую группу составляют предлоги со значением близости объекта к ориентиру. Так, предлоги *возле, возля, зле, зли* обозначают, как и *возле* в литературном языке, нахождение объекта в «геометрической области» ориентира, при этом *зле*, в отличие от *возле*, допускает небольшую разницу в размерах объекта и ориентира. В таком случае создается эффект особого выделения ориентира с точки зрения говорящего. Кроме того, в функции экспериментера *зле* не выражает какого-либо эмоционального отношения объекта-лица к ориентиру, в то время как *возле* указывает на их особую эмоциональную близость. Предлоги *для, дли* употребительны в нижегородских говорах в случаях, когда ориентир является локусом деятельности объекта, обуславливает своей предназначённостью его местонахождение: *[а ја и то думъцу / ход'-бы н'урк'ь-ть, получишь сталь / ход'-бы дл'а дому ход'ить]* (с. Красное Арз.). Предлогу *около* в говорах соответствуют следующие фонематические разновидности: *кол, коло, коль, окол, околи, окли, околь, околь, околу, околя* и комплекс *около круг*. В случае с этими предлогами

расстояние между объектом и ориентиром может быть достаточно большим, что определяется незамкнутостью пространства, в котором находится объект: [окъл'и в'ершыны ор'ешн'ик рос'т'от / вот и ор'ешна] (с. Атемасово Ард.). Предлог **круг** и его разновидности (**вкруг**, **округ**, **кругом**, **вокруг**, **круг с**), кроме расположения по кругу от ориентира, могут обозначать нахождение внутри окружающего ориентир пространства, радиус которого соотносим с размерами ориентира: [к^руж див'евъ авар'ицъ тълуч'илъс'] (с. Большие Бакалды Бут.). Если и объект и ориентир являются наименованиями людей, то их взаимное расположение предполагает контакт, в отличие от употребления **кол** (**коло**) **околи** и **под**. В говорах Выксунского района, например, **вокруг** также обозначает «в центре, посередине», когда объект образует пространство, центром которого он является, в плане духовной атмосферы или как источник: [с'ат' а ты вак^рук их старухъ / рьскажы-им] (п. Мьяря Выкс.).

Диалектный предлог **доль**, кроме пространственного значения, аналогичного выражаемому предлогом **вдоль** в литературном языке, может выражать расположение в «геометрической области» ориентира, при этом если ориентир является вытянутым в длину предметом, то сам объект может иметь любую форму: [вон дол'заборъ в'едро] (р. п. Сатис Перв.).

Предлоги **близь**, **поблизь**, **лизь** и **ризь** не накладывают таких ограничений на контекст, как **близ** в литературном языке, связь ориентира с областью, в которой находится объект, чисто пространственная, функциональные или какие-либо другие отношения между ориентиром и объектом отсутствуют: [сад'ис' риз'-н'ојо] (д. Румасово Нав.). В ряде микросистем в значении близкого расположения употребляются также диалектные **сумежа с**, **скрозь**, **скрозть**.

Разнообразие предлогов пространственной близости и детализация их семантики свидетельствуют о важности концептуализации этих отношений в диалектном языке.

Большинство предлогов этой группы многозначны. Так, предлоги **округ**, **круг**, **вокруг**, кроме пространственной близости, могут обозначать расположение или движение по кругу, а также другие, непространственные значения (временное, аппроксимативное и другие). Многозначны также предлоги промежуточного положения в пространстве: **середь**, **середя**, **осередь**, **посередь**; они выражают локативные, временные, актантные, таксономические отношения. В локативном значении эти предлоги обозначают нахождение в относительном центре пространства, которое (в отличие от **среди** в литературном языке) не должно осмысливаться как дискретное: [прут-т'и бал'шоу / с'ир'ет' труда глуб'ина окълъ д'ив'ит'и м'етръф] (с. Елизарьево Див.), но оно может быть и небольшим: [а ч'ашкь-тъ вот такацъ тьс'ир'ет' стола стоит] (с. Татарское Д.-Конст.). Если пространство ориентира состоит из разделённых между собой предметов, названные предлоги в говорах не употребляются, в таких случаях возможны только **между**, **меж**, **промеж**, **сумеж**.

Предлоги пространственной препозиции в нижегородских говорах отличаются разнообразием формального варьирования производных от одной основы: *напрóтиву, наспроси, наспротив, наспрóтив, наспротъ, наспроти, насупротъ, насупра, насупрось, насупротив, насупротив, насупроть, насупрочъ, насупрыть, спроть, спруть, спрыть, проть, супоръ, супротив, супротив, супоротъ, супротъ, супроть, супроть, против*. В большинстве микросистем бытуют несколько таких разновидностей одновременно, выражая одни и те же отношения, в том числе и наряду с общенародным вариантом *напрóтив*. В говорах, кроме того, возможны употребления этих предлогов для обозначения положения относительно предмета, не имеющего фронтальной ориентации, а также безотносительно к фронтальной ориентации: [*наспрòт' клубъ там в'ершынкъ мáлыц роман / а дал'ишъ в'ершынкъ бол'шоц роман*] (с. Хохлово Ард.). В качестве предлогов пространственной постпозиции в Нижегородской области употребляются *за, позадь, назаде, посля*.

Идею верха, связанную с непосредственным контактом объекта и ориентира, выражают *повёрх, посверху и сверх*, причём поверхность ориентира находится ниже нормального положения человека. Соотнесённость представлений о верхе и низе с ростом человека свидетельствует об антропоцентричности языковой концептуализации мира. Семантика предлогов верха и низа связана также с идеей функциональной доминации, которая прослеживается и в нелокативных значениях этих предлогов.

Предлоги направления проявляют меньше особенностей в говорах; к числу специфически диалектных единиц относятся: *встреть, встречу, след за, доль, взадь, скрозь, скрозть, прыть до*.

Нижегородским говорам известны собственно диалектные двойные предлоги, из которых три выражают пространственные значения. Предлог *по-под* обозначает предмет, ниже которого направлено действие: [*ја ног'и-ть ть-под-лафку поджаль*] (д. Гагаринское Тонш.). Предлог *по-на* также совмещает семантику обоих компонентов, передавая движение к ориентир и распространение действия в пространстве: [*гул'ат' појехъл'и ть-нь-луга*] (д. Большое Долгополово Тонк.). Наконец, предлог *с-по* употребляется в значении первого своего компонента – с (значение движения): [*внуч'к'и с-ть-гарооду* (из огорода) *н'и-вылаз'ят цзлыц д'ен'*] (с. Елизарьево Див.).

Время, в отличие от трёхмерного локативного пространства, воспринимается как горизонтальная (или вертикальная) ось, что создаёт специфику переноса во временное пространство, хотя основные характеристики объекта и релятума сохраняются. Например, нерелевантность фронтальной ориентации для предлога позволяет событию быть локализованным на временной шкале «по обе стороны» от релятума. *Через неделю* может означать как «неделю спустя», так и «неделю тому назад», например, в значении предшествования: [*ф-с'ел'е-т'и с'ем'сот дамоф былъ годоф ч'ър'ез-д'ес'ят*] (с. Крутой Майдан Вад.).

С другой стороны, время само по себе является векторно ориентированным, поэтому такие предлоги как *супроть* сохраняет не только обязательность некоторого промежутка между объектом и релятумом, но и «фронтальную ориентацию» (направленность к будущему), причём направление задаётся не релятумом или референциальным объектом, а направлением временной оси: [*куды ты супрѣтъ праз'никъ пошла гул'ат'*] (р. п. Шиморское Выкс.). Диалектный предлог *супроть*, как и некоторые другие предлоги говоров, обладает способностью маркировать значимые для человека события. Сочетаемость его ограничена обозначениями праздников, выходных, значимых календарных дат.

Предлог *после* и его диалектные разновидности *опосле*, *опослѣ*, *опосли*, *опослѣдова*, *опосля*, *послѣ*, *посля*, *пѣсле* передают в самом общем виде семантику временного следования. Эти предлоги безразличны к тому, как представлено событие, служащее точкой отсчёта, оно может быть названо как неодушевлённым, так и одушевлённым существительным: [*п'ерва љ'в 'икрѣв 'у жыла пасл'а хаз'аинь-ть*] (когда умер муж) (с. Верхнее Талызино Сеч.).

С семантикой временной включённости связано употребление в говорах предлогов *серѣдь*, *осерѣдь*, *осерѣдь*, *всерѣдинѣ*, а также предлога *по*, обозначающего локализацию точечных событий на временном отрезке или семантику интервала, в пределах которого совершается действие: [*по-м'ѣ годы много народу на-тѣль ход'ил'у / а т'ен'ѣр' маѣт'*] (д. Большое Лопатино Урен.).

Временное употребление *при* в говорах шире, чем в литературном языке: этот предлог возможен с названиями значимых календарных дат, которые воспринимаются в данном случае не столько как временная локализация событий, сколько как характеристика обстоятельств, являющихся определяющими для описываемых событий: [*а чѣсьнк'у / ја пр'у-праз'ник'ъ поѣду / з-голошѣм'у од'ѣну*] (с. Шатовка Арз.).

Протяжённость события от начала до конца некоторого временного ориентира передаёт диалектный предлог *скрозь*: [*скрѣс' нѣч'у*] (всю ночь) *пр'аль / кады токѣ спал'у*] (с. Кудярово Лук.).

В целом в говорах пространственная и временная семантика еще чаще, чем в литературном языке, объединяются в одном предлоге; сходство восприятия носителями говора пространства и времени подчеркивается необязательностью центральной роли локативной семантики, и в диалектной языковой картине мира представления о времени не всегда опираются на пространственную метафору. Само время в диалектной языковой картине мира менее абстрактно, более субъективно, и связи значений многозначных предлогов могут быть разнообразными.

Диалектную специфику в нижегородских говорах проявляют также предлоги, выражающие каузальные отношения, отношения сравнения и меры, замещения, исключения и добавления.

В главе IV «Союзы в нижегородских говорах» описываются функционирующие в Нижегородской области союзы. Общей особенностью союзов в диалектной речи является меньшая, по сравнению с союзами в литературном языке, детализация передаваемых отношений. Диалектные различия могут проявляться в ином распределении значений между единицами, а также в том, что диалектные союзы характеризуют отношения, передаваемые в литературном языке несоюзными средствами, обычно лексически.

Большинство союзов в говорах являются общенародными. Так, среди условных союзов наиболее употребительным является **если**. В говорах этот союз (и его разновидности **ежели**, **ежелъ**, **ежли**, **еже**, **ешли**, **еси**, **ижель** и **ижли**) выражает разные виды зависимости между ситуациями, чаще всего разные каузальные и некаузальные типы отношений при обобщении, в отличие от **если** в литературном языке, первичным для которого является значение гипотезы. В случае препозиции главной части в ней могут употребляться корреляты **то**, **дак**, **так**, но сравнительно редко, особенно **то**. В тех же значениях, что и **если**, употребляются в нижегородских говорах союзы **коли**, **коли**, **коль**, которые всегда начинают собой придаточную часть, в то время как **если** (и его разновидности) может находиться и в середине, и в конце придаточной части.

Диалектный союз **буде** передает значение гипотезы и ориентирует условие в план будущего: [*буд'ь пр'ид'от т'ъл'емас'т'ьр / поч'ин'ит т'ъл'ев'изьр*] (п. Чибирь Кр.-Бак.). Союзы **кабы** и **эко бы** выражают условие, которое в данной ситуации представляется говорящему неосуществимым, при этом в главной части предложения употребление **бы** необязательно: [*роботьль / кабы змогаль*] (д. Пичужиха Вос.). Нереальное условие выражает и союз **как**: [*как ја былá такоу умнѣ-т'и / раи жыла-бы в-д'ер'евн'ь*] (с. Б. Череватово Див.). Союзы **рай только**, **рай токо** выражают в говорах условие, препятствующее осуществлению какого-либо действия. Кроме того, в говорах употребляются для передачи условных отношений комплексы союзов **ковда буде**, **коли буде**, **коли ежли**.

Союзы со значением причины в нижегородских говорах достаточно разнообразны. Самым употребительным является союз **потому что**, передающий в недифференцированном виде разнообразные каузальные отношения, наряду с ним функционируют в говорах союзы **оттого что**, **за то что** и **то что**. Это же общее значение причины выражает союз **что**: [*зовут так / што жыл поп ч'аи с-пъпад'жоу долъг вр'ем'ь*] (с. Никулино Лук.). Многозначность союза **что** в тех говорах, где сохраняется употребление его в причинном значении, не ведет к дифференциации значений, как это произошло в литературном языке, так как диалектной речи не свойственна детализация логических отношений между частями высказывания. Союз **как** может выражать в говорах еще большее количество значений, чем **что**: временные, сравнительные, изъяснительные, условные, причинные.

В качестве причинных союзов могут выступать также **дак**, **дэж**, которые представляют причину как очевидную для говорящего: [*в-л'ичнѣс ѓа н'и-в'ид'иль / дэж-мы н'и-дастоѣны в'ид'ѣт' / а-думѣцу заступн'и'цѣ пр'ихад'иль*] (с. Неверово Лук.). В причинном значении на территории Нижегородской области употребляется и союз **ак**, главным образом в Ветлужском районе, где он является многозначным в пределах микросистемы, реализует значения времени, причины и следствия. Кроме того, в нижегородских говорах функционирует причинный союз **раз**, обычно с коррелятами **то**, **так**.

В целом причинные значения союзов в говорах менее детализированы по сравнению с литературным языком, большинство единиц определяют самые общие, недифференцированные каузальные отношения.

Группа сравнительных союзов в говорах представлена меньшим числом единиц, чем в литературном языке, выражение сравнительно-сопоставительных отношений посредством предлогов более распространено, чем функционирование в аналогичных конструкциях союзов. Основным средством выражения как реально-сравнительных, так и нереально-сравнительных значений в говорах, как и в литературном языке, служит союз **как**. Кроме того, употребляются союзы **будто** (**быдто**), **ровно**, **ако**, **инда**, специализированные на выражении нереального сравнения: [*ты ч'ово стоѣш индѣ фкѣтънѣцѣ / ал'и ув'идаль ч'ово*] (с. М. Андосово Пильн.), а также комплекс **как буде**.

Для выражения сопоставительных отношений (так называемого «сравнения дифференцирующего типа») в говорах употребляется союз **чем**, а также его специфически диалектные эквиваленты **нечем**, **как** и комплекс **чем как**. Особенно активно употребляется союз **как**, который в ряде микросистем является основным союзом в предложениях компаративного типа: [*тат'ѣанѣ лучшѣ как л'енкѣ*] (д. Крутиха Бог.)

Таким образом, сравнительные союзы в нижегородских говорах обладают диалектной спецификой как в плане формы, так и в плане значения, и их числе много специфически диалектных единиц.

В целом особенности системы союзов в нижегородских говорах связаны со спецификой устной диалектной речи. Говоры сохранили в целом много черт более древних форм языка, например, утраченный литературным языком союз **ак** или причинное значение союза **как**. Синтаксис говоров сохранил также в ряде случаев логически нерасчлененные, широкие отношения, свойственные тем ранним формам языка, которые не знали детализации связей между частями высказывания. В условиях устного общения в диалектной среде, благодаря общности некоторого объема ключевых знаний у говорящего и слушающего, создаются такие ситуации, в которых экспликация логических связей уступает место соположению элементов, присутствующих одновременно в сознании участников речевого акта. Система союзов в говорах ориентирована на синтаксис устного общения, не требующий сложных построений.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования и намечаются перспективы его продолжения.

**Основные положения диссертационного исследования отражены
в следующих публикациях:**

Статьи в журналах, входящих в список ВАК

1. Волгина, О. В. Частицы в нижегородских говорах [Текст] / О. В. Волгина // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Т. 13. – 2007. – № 3. – С. 81–85. (0,58 п.л.)

Статьи и тезисы в сборниках материалов научных конференций

2. Волгина, О. В. Предлоги в говорах юга нижегородской области [Текст] / О. В. Волгина // Владимир Даль и современная филология: материалы международной научной конференции 22–23 ноября 2001 г. Нижний Новгород. Том 2. – Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2001. – С. 127–130. (0,17 п.л.)
3. Волгина, О. В. Союзы-параллели в говорах юга Нижегородской области [Текст] / О. В. Волгина // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: материалы научной конференции молодых ученых нижегородского региона. 20–21 марта 2002 г. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2002. – С. 22–24. (0,12 п.л.)
4. Волгина, О. В. Усилительные частицы в нижегородских говорах [Текст] / О. В. Волгина // Перспектива 3. Межвузовский сборник научных трудов молодых ученых / АГПИ им. А. П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2003. – С. 47–50. (0,23 п.л.)
5. Волгина, О. В. Об одной детали в речевом портрете современной молодежи [Текст] / О. В. Волгина // Духовный мир молодого человека и будущее России: Региональная межвузовская научно-практическая конференция 17–18 апреля 2003 г. Сборник статей. – Арзамас: АГПИ, 2003. – С. 397–399. (0,12 п.л.)
6. Волгина, О. В. Частицы в говорах юга Нижегородской области: функциональный аспект [Текст] / О. В. Волгина // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сборник статей по материалам региональной научной конференции молодых ученых. Вып. 2. 19–20 марта 2003 г. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2003. – С. 29–31. (0,12 п.л.)
7. Волгина, О. В. Частицы глагольного происхождения в говорах юга Нижегородской области [Текст] / О. В. Волгина // Сельская Россия: прошлое и настоящее: доклады и сообщения девятой российской научно-практической конференции (Москва, декабрь, 2004). Вып. 3 – М.: Энциклопедия российских деревень, 2004. – С. 377–379. (0,17 п.л.)
8. Волгина, О. В. Комплексы частиц в нижегородских говорах [Текст] / О. В. Волгина // Русский язык: история и современность: материалы научной конференции, посвященной 80-летию проф. Н. Д. Русинова. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. – С. 44–47. (0,23 п.л.)
9. Волгина, О. В. Семантические особенности предлогов в говорах юга Нижегородской области [Текст] / О. В. Волгина // Проблемы языковой

картины мира на современном этапе: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых. 16–17 марта 2004 г. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2004. – С. 47–51. (0,23 п.л.)

10. Волгина, О. В. Об одной особенности функционирования предлогов в говорах юга Нижегородской области [Текст] / О. В. Волгина // IX нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки: тезисы докладов. – Н. Новгород, 2005. – С. 148–150. (0,12 п.л.)

11. Волгина, О. В. Служебные слова в русском диалектном языке: степень изученности [Текст] / О. В. Волгина // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых. Вып. 4. 17–18 марта 2005 г. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2005. – С. 49–54. (0,29 п.л.)

12. Волгина, О. В. Двойные предлоги в нижегородских говорах [Текст] / О. В. Волгина // Русские народные говоры: История и современность: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию диалектологической работы в АГПИ. Арзамас 6–8 октября 2005 г. / отв. ред. Л. А. Климова; АГПИ им. А. П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2005. – С. 66–70. (0,23 п.л.)

13. Волгина, О. В. Концептуализация времени в диалектном языке (на примере некоторых предлогов в говорах юга Нижегородской области) [Текст] / О. В. Волгина // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых. Вып. 5. 16–17 марта 2006 г. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2006. – С. 46–52. (0,35 п.л.)

14. Волгина, О. В. Сравнительные союзы в нижегородских говорах [Текст] / О. В. Волгина // Региональная лексика в историко-культурологическом аспекте: материалы межвузовских диалектологических чтений. Арзамас 23–25 ноября 2006 г. / отв. ред. Л. А. Климова. АГПИ им. А. П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2007. – С. 56–59. (0,23 п.л.)

15. Волгина, О. В. Частицы-маркеры чужой речи [Текст] / О. В. Волгина // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых. Вып. 6. 14–15 марта 2007 г. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2007. – С. 58–60. (0,17 п.л.)

Подписано в печать 21.04.2008 г.
Формат 64х80/16.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 1,25.
Тираж 100 экз.
Заказ № 921.

Издательский центр Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673674

